

Он снова протянул руку, лично помогая главному герою подняться, и в его услужливости было столько старания, что это бросалось в глаза.

В глазах Янь Ли, главного героя, это выглядело как крокодиловы слезы — притворная жалость, не более.

— Ну не смотри на меня так, я же стесняюсь, — кокетливо прикрыл лицо Цзинь Шифа.

Янь Ли закатил глаза:

— Позвольте спросить, молодой господин Цзинь, я могу войти в дом?

— Конечно, конечно, прошу, проходите, — Цзинь Шифа продолжил угождать, открывая перед ним дверь.

Янь Ли с недоумением посмотрел на него. Что он опять задумал? Впрочем, если он решит что-то предпринять против него, то остановить его все равно не выйдет, так что пусть делает что хочет.

У тех, кто любит поваляться в постели, есть одна общая черта: они поздно ложатся и поздно встают. Цзинь Шифа принадлежал к числу заядлых полуночников, поэтому, когда Янь Ли уже крепко спал, Цзинь Шифа все еще был полон сил.

На самом деле, в древности жить не так уж и плохо, если не считать отсутствия телевизора и компьютера — скука смертная.

Делать было нечего, и он поднялся с кровати. В комнате не нашлось ничего интересного, единственным живым существом был тот, кто спал на кровати в дальней части комнаты.

Скучая, он присел на край кровати Янь Ли и начал машинально наматывать на палец прядь его волос.

В телевизионных сериалах великие мастера боевых искусств просыпались от малейшего шороха, но это касалось только великих мастеров. Янь Ли, конечно, станет таким, но лишь спустя десяток с лишним глав. Сейчас же он был не более чем слепым котенком, поэтому, как бы рядом с ним ни суеились, он продолжал безмятежно спать.

Случайно Цзинь Шифа заметил пятна крови, проступившие на одежде со стороны спины. Ах да, сегодня он простоял на коленях целый день, раны, должно быть, открылись, пора сменить повязку.

Он долго ждал, пока Янь Ли наконец не перевернулся, и поспешил снять с него одежду.

Янь Ли, пребывавший в полудреме, вдруг почувствовал холод на спине и чьи-то руки, скользящие по коже. Неужели это тот самый эротический сон, о котором рассказывал соседский дядя? Хм, соседский дядя вечно учит всяким глупостям.

Он ощущал тепло тех рук на своей спине: пальцы были прохладными, но от них исходила пронзительная, живая теплота — чувство, которое он никогда раньше не испытывал.

Он жадно тянулся к этому теплу.

Ему нестерпимо хотелось узнать, кому принадлежат эти руки. Он изо всех сил попытался открыть глаза, но не смог, пока спину не пронзила легкая боль.

Янь Ли резко распахнул глаза и, увидев прямо перед собой лицо Цзинь Шифа, в испуге отпрянул.

Цзинь Шифа выглядел совершенно невинно, ведь он ничего такого не сделал.

— Что ты делаешь? — Янь Ли вскочил с кровати и с опасным блеском в глазах уставился на него.

Цзинь Шифа поднял пузырек с заживляющей мазью и невинно посмотрел на него:

— Рану тебе обрабатываю.

Янь Ли смотрел на него с подозрением:

— Что с тобой происходит? В цзянху ходят слухи, что старший ученик поместья Баньчэн, Цзинь Ле, перенял все мастерство Лу Циина и славится своей жестокостью и холодностью. А ты? Ты постоянно мучаешь меня. Чего ты добиваешься?

Цзинь Шифа чувствовал себя совершенно несправедливо обвиненным, но не знал, как это объяснить. С самого начала он просто хотел выжить. Он сунул мазь в руки Янь Ли и пополз спать в глубину комнаты.

Говорят, судьба как женские дни: никогда не знаешь, когда она нагрянет, и не факт, что всё обойдется без крови.

Янь Ли, видимо, не пользовался популярностью — куда бы он ни пришел, его везде гнали. Всего за несколько дней он стал изгоем во всем поместье Баньчэн и каждый день возвращался с разбитым лицом.

Цзинь Шифа мог лишь закрывать на это глаза, надеясь, что однажды Янь Ли не выдержит и уйдет сам. Но тот был словно таракан, которого невозможно прихлопнуть, и ни разу не произнес слова уйти.

Больше всего Цзинь Шифа любил после еды сидеть на кровати. Тренироваться? Не дождетесь, он ждал, когда Янь Ли вернется с подбитым глазом.

Янь Ли тоже этого не понимал. Говорили, что Цзинь Ле — сильнейший боец в поместье после Лу Циина, но он ни разу не видел, чтобы тот тренировался, да и на мастера он совсем не был похож. Каким же искусством он владеет?

В этот день Янь Ли вернулся, как обычно, с двумя струйками крови из носа, в самом жалком виде.

Цзинь Шифа сдержал порыв проявить участие, стиснул зубы и отвернулся. Не смотреть! Плевать на него! Он не должен лезть не в свое дело и быть нянькой.

Янь Ли не посмотрел на него, подошел к своей кровати, достал тряпку, которую использовал вместо полотенца, набрал воды и начал смывать кровь.

Слушая плеск воды, Цзинь Шифа почувствовал укол совести. В конце концов, он был человеком из современного мира, не привыкшим к жестоким схваткам, описанным в книгах, и ему было жаль видеть раненого.

Если бы Цзинь Шифа знал, что произойдет дальше, он бы ни за что не оставался таким спокойным, а лучше бы сразу полез помогать.

Цзинь Шифа и представить не мог, что именно сейчас придет Лу Циин. Он делал всё возможное, чтобы предотвратить неизбежное, но то, что должно было случиться, случилось!

Лу Циин пришел обсудить свое уединение для совершенствования и, войдя в комнату, увидел худощавого юношу, который тряпкой оттирал раны на спине.

Лу Циин был ошеломлен: неужели его любимый старший ученик склонен к садизму?

Услышав стук в дверь, Цзинь Шифа вскочил с кровати, но было уже поздно — его дорогой учитель уже встретился с главным героем.

— Ле-эр? А это кто? — Лу Циин в недоумении указал на Янь Ли.

Цзинь Шифа скривился и нехотя ответил:

— Главный герой.

— Что?

— Э-э, просто обычный слуга, — Цзинь Шифа намеренно умолчал о его имени.

Лу Циин не был дураком:

— Почему я его раньше не видел? Неужели это тот самый Янь Ли, которого вы с четвертым привели в прошлый раз?

Цзинь Шифа с изумлением посмотрел на него. Неужели это влияние ауры главного героя? Поэтому он так легко запоминается?

Янь Ли тоже был удивлен. Тот, кто мог заставить Цзинь Ле мгновенно сменить тон, несомненно, был Лу Циин, и он был поражен, что тот узнал его.

— Почему он так сильно ранен? — Лу Циин нахмурился, и в его взгляде, обращенном к Цзинь Шифа, читался упрек. — Ле-эр, как ты можешь быть таким жестоким?

— Учитель, это не я его бил! — Цзинь Шифа чувствовал себя совершенно невиновным.

— А кто?

— У него самого скверный характер, вот его и поколотили! — Цзинь Шифа не упускал случая принизить героя.

Янь Ли бросил на него острый взгляд.

Лу Циин тоже посмотрел на него с недовольством:

— Ле-эр, как ты можешь так говорить!

Цзинь Шифа был готов заплакать.

— Хм? Что это за запах? — Лу Циин начал принюхиваться, уловив какой-то необычный аромат.

Он подошел ближе к Янь Ли, словно запах исходил от него.

Увидев, что тот приближается, Янь Ли поспешно опустился на колени, выглядя смиренным:

— От меня пахнет потом и грязью, я оскорбляю нос господина поместья, прошу прощения!

Цзинь Шифа остолбенел — вот он, высший пилотаж лести. Неудивительно, что господин так его любит.

— Нет, нет, — Лу Циин покачал головой, на его лице не было ни тени отвращения. Напротив, он лично поднял Янь Ли и продолжал принимать, приближаясь к его лицу... э-э, к носу.

Янь Ли не смел шевелиться, лишь втянул голову в плечи, позволяя себя обнюхивать.

— Учитель? — Цзинь Шифа подошел ближе, наблюдая, как Лу Циин... домогается Янь Ли?

Он помнил, что писал обычный роман в жанре уся, а не яой.

— Трава Возвращения? — Лу Циин сначала удивился, а затем обрадовался. — Откуда в твоей крови Трава Возвращения?

В крови? Трава Возвращения? Цзинь Шифа был в замешательстве. Почему он, автор, об этом не знал?

Янь Ли тоже не понимал:

— Какая еще Трава Возвращения?

— Это красная лечебная трава, похожая на фонарик, — Лу Циин странно посмотрел на Янь Ли.
— Ты не знаешь?

— Красная? Похожая на фонарик? — Янь Ли опустил голову, пытаясь вспомнить, и спустя мгновение его осенило: — Вспомнил! Я видел такую траву. Тогда я был голоден как собака, и от нее исходил странный аромат. Не знаю, что на меня нашло, но я съел ее.

Цзинь Шифа поклялся, что не планировал заставлять его есть траву, он же не козел.

— Если посчитать, это было за день до того, как я встретил тебя, — сказал Янь Ли, обращаясь к Цзинь Шифа.

...Ну и совпадение...

Цзинь Шифа долго смотрел на него, а затем, стиснув зубы, повернулся к учителю, чтобы сменить тему:

— Учитель, что теперь делать? Он уже съел траву, а как же Лу Цянь... младшая сестра?

— Это просто. Нужно дать ей съесть немного его мяса или сварить из него суп, — улыбнулся Лу Циин.

Цзинь Шифа и Янь Ли одновременно побледнели.

Учитель, ну почему вы такой извращенец?

— Ха-ха, шучу. Достаточно будет полчашки крови, — Лу Циин похлопал Янь Ли по плечу и весело рассмеялся.

— Нет! — Цзинь Шифа поспешно заслонил собой Янь Ли. Он не хотел, чтобы Лу Цяньцян пришла в себя.

Янь Ли взглянул на него, обошел и опустился перед Лу Циинем на колени:

— Янь Ли готов служить господину верой и правдой.

— Хорошо, молодец, — Лу Циин с улыбкой схватил Янь Ли за руку и начал ее похлопывать.

Янь Ли был польщен.

Цзинь Шифа смотрел, как Лу Циин держит Янь Ли за руку — ну чистое проявление страсти.

— О? — Глаза Лу Циина загорелись. — У этого юноши отличные кости, он настоящий талант в боевых искусствах!

Все, приехали! Неужели он положил на него глаз?

Янь Ли тоже был поражен.

— Юноша, не хочешь ли ты последовать за мной? — с улыбкой спросил Лу Циин.

Для Цзинь Шифа это прозвучало как: «Малыш, не хочешь ли ты стать моим любовником?»

Разница между «последовать за» и «стать моим» была огромной.

В холодных глазах Янь Ли вспыхнул огонек:

— Господин хочет принять Янь Ли в ученики?

Сердце Цзинь Шифа подпрыгнуло к самому горлу.

— Э-э, юноша, ты не так понял, — Лу Циин неловко похлопал Янь Ли по тыльной стороне ладони. — Я лишь хочу, чтобы ты пока побыл при мне, скажем, книжным мальчиком. А если у тебя действительно есть талант, я... я подумаю о том, чтобы сделать тебя своим учеником.

Даже идиот понял бы, что это пустые отговорки.

Глаза Янь Ли снова потускнели, он горько усмехнулся:

— Это я был самонадеян.

Цзинь Шифа выдохнул, но в то же время почувствовал жалость к нему.

— Ты согласен отдать полчашки крови?

Янь Ли кивнул:

— Ради спасения старшей госпожи я, конечно, согласен.

Он встал, подошел к столу, достал из ящика кинжал, полоснул себя по запястью и, взяв чайную чашку, начал наполнять ее кровью.

Цзинь Шифа только охнул. Когда он сам резал палец при готовке, это было невыносимо больно, а эти древние люди совсем другие — так легко режут запястья. Тц-тц, нужно-то всего полчашки, мог бы и пальцем обойтись, зачем запястье резать, слишком нерационально.

<http://bllate.org/book/21334/2164155>